

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Выборный Виталий Дмитриевич,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(г. Могилев, Беларусь)

В статье на основе данных социологического исследования дается анализ семейно-бытового насилия как формы проявлений гендерного неравенства в современном белорусском обществе. Раскрываются причины и масштабы распространения насильственных практик. Определяются носители и жертвы насилия и стратегия реагирования потерпевших.

Белорусское законодательство определяет домашнее насилие как любые формы жестокого обращения в семейно-бытовой сфере (умышленные действия физической, психологической, сексуальной направленности одного члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания) [1].

Специфика насилия в семье, как проявление гендерного конфликта, совершается, как правило, дома или в рамках семьи. Оно предполагает наличие близких, но противоположных по полу отношений между жертвой и правонарушителем. Домашнее насилие это и своеобразный образ гендерного поведения в семье. И находит оно свое выражение не только в побоях, но и в эпизодах одного действия унижающих честь и достоинства представителей противоположного пола.

Как же понимают могилевские респонденты домашнее насилие как формы проявления гендерного конфликта? Основная часть могилевских респондентов, по данным опроса УКП МИРСПИ, относят к домашнему насилию, прежде всего, физическое насилие (побои и издевательства 73,3/61,0%), 48,3/47,4% видят в этом только насильственные сексуальные действия и оскорбления. 46,2% указали на запугивание и угрозы физической расправы.

Затруднились ответить на этот вопрос 4,6% [2, с. 41–42]. Все это свидетельствует о том, что это негативное явление не достаточно глубоко понято и оценено респондентами. Проявление домашнего насилия более многолико. И проявляется, не только в физических действиях, но и в психологической форме (тактика экономического контроля, диктат, ограничение свободы личности и др.).

Респонденты и по-разному оценивают масштабы распространения насильственных практик. 37,7% указали на то, что насильственные практики имеют место быть в 1-2 семьях из числа их окружения, а в 3-х и более семьях (12,8%). Около половины опрошенных отметили, что не знают о подобных проявлениях в семьях друзей, знакомых и родственников. Здесь присутствует во многом латентный характер этого явления.

Семейное насилие, проявившись хоть раз, осуществляется и в дальнейшем. В каждой третьей семье Могилевской области (34,6%) имеют место проявления семейно-бытового насилия с определенной периодичностью. На то, что насилие проявляется реже одного раза в год, указало 46,5% опрошенных респондентов. Несколько раз в год (34,7%). Практически ежемесячно указало (6,9%). Совершается, практически еженедельно и ежедневно, указало (8,9/3,0%) респондентов [2, с. 42–43].

Любой гендерный конфликт базируется на половой дифференциации. Жертвами конфликта чаще всего являются супруги (74,4%). В большинстве случаев супружеского насилия жертвой является супруга (53,5%). Чаще всего в роли агрессора выступает муж (57,5%). На фоне растущего вытеснения женщин из экономической и политической сферы насилие в отношении женщин остается хроническим и повсеместным явлением. Женщины в большинстве имеют угнетенную позицию. Реже жертвой насилия становится супруг (25,2%) случаев. Они становятся мишенью для физических и словесных нападок за нарушение представлений о мужественности, «кормильце семьи», мужской чести и т. д. А в каждой пятой семье муж и жена практически в равной мере становятся жертвами гендерного конфликта (21,2%) [2, с. 42–43].

Какие причины появления гендерного конфликта? Среди основных причин респонденты выделили бытовые и денежные проблемы (45,0/41,1%), характер распределения ролей в семье между мужчиной и женщиной при выполнении домашних работ (16,8%); разногласия в воспитании детей и разные взгляды на проведение свободного времени (11,4/10,4%); лидерство супруги, партнерши (4,0%). Женщины-респонденты отмечают, что повышенная агрессивность мужчин зачастую является следствием чувства комплекса социальной неполноценности на фоне их успешности [3, с. 2–3].

Жертвы конфликта реагируют на его совершение неоднозначно. Ничего не делают и просто терпят (32,7%). Стараются сгладить ситуацию любым путем (31,7%). Отвечают аналогичными действиями почти 29%. Ищут защиты у членов семьи и соседей 12,9%. Почти 11% жертв гендерного конфликта уходят

из дома. Только 8,9% обращаются за помощью в милицию. А 5,0% выгоняют обидчика из дома. Реакция жертвы насилия гендерного конфликта зачастую связана с пассивным восприятием гендерного конфликта (32,7%). Вызывает удивление, что жертва насилия реже всего обращается за должной социально-психологической помощью в соответствующие органы. Хотя, на первый взгляд, такая стратегия кажется нам наиболее очевидной.

Мужчины отстаивают свои позиции, игнорируют модели поведения женщин, прибегая к крепким выражениям, ругательствам и нецензурной брани. Женщины больше склонны к терпимости и компромиссам, но чаще вспоминают прошлые обиды и грехи. Женщины чаще стараются максимально сгладить ситуацию гендерного конфликта. Почти 60% от числа опрошенных женских представителей, просто прощают обидчику. Около 15% – меняют свою тактику поведения в будущем, ищут поддержки у друзей 22,3%, скрывают факты насилия (10,4%). И только 1,5% женщин жертв насилия обращается к психологу или психотерапевту.

Опасной является стратегия реагирования жертвы гендерного конфликта с применением ответных действий в адрес обидчика (30%). 5,4% пытаются просто мстить своему обидчику. В результате образуется замкнутый цикл гендерного конфликта. Осознав свою безнаказанность, насильник продолжает осуществление своих насильственных практик.

В семьях, где имели место проявления гендерного конфликта, принятая его жертвой стратегия реагирования на жестокость в свой адрес приводила к тому, что ситуацию полностью удалось решить у 31,7% респондентов. Одновременно почти 36% указали, что ситуация улучшалась лишь частично. В тоже время в четверти случаев (25,7%) ничего не изменилось. У 5,4% респондентов ситуация значительно усугублялась [4, с. 43–50].

Таким образом, дальнейшее игнорирование проблемы семейного насилия повлечет за собой рост его негативных последствий и будет способствовать в дальнейшем деструктивной внутрисемейной социализации. В свою очередь, это будет приводить к воспроизводству подобных моделей насильственных практик взаимоотношений в белорусских семьях.

Список источников

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-3 : в ред. от 18.07 2016 г. № 401-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 11 янв. 2014 г. № 2/2120.
2. Социологический анализ проблем семейно-бытового насилия в современном белорусском обществе : отчет о НИР (заключ.) / УКП МИРСПИ ; рук. И. Г. Купцова. – Могилев, 2012. – № ГР 201213244. – С. 51–57.
3. Социологический анализ проблем семейно-бытового насилия в современном белорусском обществе : аналитическая записка / Могилев: УКП МИРСПИ, 2012. – С. 1–4.

4. Жизненные ориентации и социальные ценности молодежи Могилевщины в условиях трансформирующегося общества : отчет о НИР (заключ.) / УКП МИРСПИ ; рук. Н. Е. Лихачев. – Могилев, 2012. – № ГР 20121639. – С. 41–51.